

25 июля 1975 г.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

международные
маршруты

«ЗОРИ» ВОСХИЩАЮТ НЬЮ-ЙОРК

Площадь перед театром «Метрополитен-опера» была пестрой от разноцветных зонтов в день премьеры оперы «Зори здесь тихие». В Нью-Йорке шел проливной дождь. Но зрительный зал, вмещающий свыше тысячи человек, был заполнен.

Когда поднялся занавес и прозвучали первые такты оперы, по залу пробежал недоуменный шепот: нью-йоркские зрители, привыкшие за время гастролей Большого театра к монументальности «Бориса Годунова», к классическому звучанию «Евгения Онегина», не ожидали услышать Евгения Кибкало, певшего под гитару негромкую, что называется, «массовую» песню. Однако уже через несколько минут события на сцене захватили пришедших на премьеру.

Критика несколько настороженно ждала «Зорь», и в печати проскальзывали иронические замечания насчет «неоперности» произведения Бориса Васильева. И действительно, были основания опасаться, что американцы не воспримут оперу, рассказывающую о не пережитой ими Великой Отечественной войне, да еще исполненную на незнакомом рус-

ском языке, когда во многом теряются нюансы содержания.

Но нет, «Зори здесь тихие» покорили и зрителей, и большинство музыкальных критиков. «Гимном героизму советских женщин» назвала оперу «Нью-Йорк таймс». Зал слушал оба акта, затаяв дыхание.

Тон, как и в других спектаклях Большого, задавал оркестр, которым в день премьеры дирижировал Александр Лазарев. На сцене — деревянная избушка, ставшая домом для роты девушек-зенитчиц. Немецкие самолеты на удивительно железнодорожную станцию в Карелии не залетают, и девушки могли бы вести, по сути дела, мирную жизнь, если бы не старшина Васков. Слушая Артура Эйзена (Васков), даже не знающему русского языка человеку было понятно, насколько трудно ему с «женским полком», не привыкшим к армейским строгостям, к требованиям устава. И невозможно было не почувствовать трагедию молодых жен-

щин, оторванных от мужей, женихов, родителей. Зрители вместе с героями переживали мысленно встречи с любимыми, возвращались в мечты к довоенной жизни.

Особенно большое впечатление на аудиторию — об этом можно было судить по тому, как замерли сидящие в зале, — произвело воспоминание Сони Гурвич — Клары Кадинской о родном Минске. На заднем плане возникают серебряные трубы органа, и в лирическое звучание оркестра и приглушенного хора влетают мощные звуки этого инструмента — партия, записанная в исполнении солистки оркестра Большого театра Ирины Орловой — тоска, навеянная войной, звучит как лучший призыв к миру, и американцы прекрасно понимают этот настрой.

Елене Образцовой — бойкой не дающей себя в обиду Женьке Комельковой — вновь достались самые бурные аплодисменты. Как и в «Пиковой даме», и других показанных ра-

нее операх, они вспыхивали практически после каждой исполненной ею арии.

Теплого приема были удостоены и остальные главные героини оперы — Галина Борисова, певшая партию Риты Осанниной, Галина Калинина — Лиза Бричкина. Овацией встретили зрители появление перед занавесом после окончания спектакля композитора Кирилла Молчанова, которого заставляли выходить на сцену по меньшей мере раз десять.

У многих сидевших в зале наворачивались на глаза слезы, когда одна за другой девушки погибали в неравном бою. Эмоциональность настроения возросла и благодаря эффектной постановке: яркая вспышка света, и фигура в солдатской форме исчезает в затемнении.

Когда же в финале оперы четыре героини, как бы восстав из павших, остались под лучами красных софитов перед опущенным занавесом, в зале «Метрополитен-опера» долго сохранялось потрясенное мол-

чание. Прошло несколько минут, после чего зрители, как один, поднялись с громкой овацией.

Перед премьерой в некоторых статьях, рассказывающих о ходе гастролей оперы Большого театра, звучало недоверие: как труппа, «верная, по словам «Нью-Йорк таймс», оперной традиции на протяжении двухсот лет своей истории», сможет поставить столь необычную, современную оперу. Но премьера рассеяла скептицизм. Она показала, и такого мнения придерживается большинство критиков, что Большой театр настолько гибок и универсален, что его коллективу под силу и монументальная «Война и мир», и сложный по содержанию «Игрок», и патристические «Зори здесь тихие» — опера, призывающая к самому святому для советских людей — к миру.

«Если «Евгений Онегин» истинно русская опера, то «Зори» — великолепный образец советской оперы», — сказал, выходя из театра, пожилой человек. В этих добрых словах ясно выразилось отношение рядовых американцев не только к гастролям Большого театра, но и к улучшению развития отношений между СССР и США в целом.

А. ВОРОНИН,
корр. ТАСС — специально
для «Советской культуры».
НЬЮ-ЙОРК.